

вать ее во всей истине. И не только сказать о ней подлинную правду, но и высмеять «ничтожное» и «презренное», так часто встречающееся в реальной действительности.

М. Б. ХРАПЧЕНКО

ПОДВИГ ХУДОЖНИКА

НЕИССЯКАЕМАЯ сила образных обобщений Гоголя, все расширяющееся воздействие их на читательскую аудиторию раскрывают непреходящее значение художественного наследия великого русского писателя. Его произведения, проникнутые страстным гражданским пафосом, и сегодня вызывают чувство несправедливости к обществу, утверждая подлинно гуманистическую начала жизни, стремления к добру, к социальной справедливости.

Непрерывность творческого поиска

Жизненная, творческая судьба Гоголя была трудной, временами глубоко драматической. Трудной она оказалась прежде всего вследствие стесненных условий повседневного существования, которые писатель испытывал даже в годы расцвета своей творческой деятельности.

Однако наиболее горестные тревоги и волнения, выпавшие на долю Гоголя, были порождены скептическим, а часто и враждебным отношением различных групп современников к новаторскому характеру его художественных созданий, к большой и суровой правде, высказанной в них. Расхождение между горячим стремлением писателя оказывать благотворное влияние на развитие общества и неверным пониманием его произведения — значительной частью читательской аудитории того времени составляло подлинную драму жизни Гоголя-художника. К этому присоединялись и те глубокие противоречия, которые выявились в творчестве писателя после создания первого тома «Мертвых душ», неудачи, постигшие его в воплощении большого художественного замысла.

Примечательными чертами жизненного и литературного пути Гоголя одновременно с тем были удивительная сосредоточенность его огромной творческой энергии, незаурядная воля, позволявшая ему преодолевать неблагоприятные обстоятельства, стремительный взлет его художественного гения. Первый литературный опыт Гоголя — романтическая поэма «Ганца Кюхельгартена» — как известно, оказался неудачным. Однако поражение не поколебало уверенности молодого писателя в своих силах, скорее, оно стимулировало интенсивность его творческих исканий.

В 1831 году — через два года после провала «Ганца Кюхельгартена» — Гоголь публикует первую часть «Вечера на хуторе близ Диканьки». Повести, вошедшие в этот сборник, были совершенно непохожими на подражательную романтическую поэму, они представляли собой самобытные, примечательные явления в русской литературе. Об этой книге Пушкин писал: «Сейчас прочел Вечера близ Диканьки. Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Какая чувствительность! Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе, что я доселе не образумился».

«Вечера на хуторе близ Диканьки» (авторская часть их была опубликована в 1832 году) сделали имя Гоголя достаточно широко известным. Успех окрылил писателя. Нарождавшаяся слава, однако, ко многому обязывала. Гоголь хорошо понимал, что ограничиваться вариациями найденого, эксплуатировать достигнутое никак нельзя. Жизнь подлинного художника слова — это непрерывные искания, освоение новых тем, явлений жизни, новые творческие завоевания.

Период наступивший непосредственно вслед за выходом в свет «Вечера на хуторе близ Диканьки», был наполнен напряженным трудом по осуществлению многих художественных замыслов, отчасти связанных с тематикой, образами первых повестей, но в большинстве своем существенно отличавшихся от них. В 1835 году Гоголь печатает сборники «Миргород» и «Арабески», каждый из которых состоял из двух частей. Здесь были опубликованы «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий». «Повесть о том, как посорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», а затем петербургские повести «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего». Художественные произведения «Миргорода» и «Арабески» знаменовали собой значительный этап в творческом развитии писателя, крупную победу его реалистического искусства.

Консервативная критика встретила их недоброжелательно и осудила изображение Гоголем «низких» сторон жизни. Однако в том же 1835 году прозвучал голос В. Г. Белинского: «...Гоголь владеет талантом необыкновенным, сильным и высоким. По крайнему мере, в настоящее время он является главою литературы, главою поэтов...» Гоголю было в ту пору двадцать шесть лет.

Все более и более ясно осознавал он свое художническое призвание, все более сильным становилось его стремление сделать несомненным содержанием литературы повседневную жизнь, охарактеризо-

вать ее во всей истине. И не только сказать о ней подлинную правду, но и высмеять «ничтожное» и «презренное», так часто встречающееся в реальной действительности. Осенью 1835 года Гоголь начал работу над «Ревизором». Позже в «Авторской исповеди» он писал о замысле этой своей комедии: «Если смеяться, так уже лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего. В Ревизоре я решился собрать в одну кучу все дурное в России, какое я тогда знал,

Язык графики

Иллюстрации художника Сергея Тюнина к поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души». Издательство «Московский рабочий», М., 1984.

женная высокого напряжения, нестыивающей страсти его работа над «Мертвыми душами». «Еще встанут против меня новые сословия и много разных господ; но что ж мне делать! Уже судьба моя враждует с моими земляками...»

«Сильнее углубляй резец свой...»

Писателя глубоко интересовали и волновали судьбы общества и человека; он неустанно развенчивал социальное зло, представляя его на всеобщее осмеяние. В непрерывных творческих поисках, вдохновенном труде выразительно раскрываются желание Гоголя художественным словом содействовать достижению общественного блага, его утверждение высокого назначения человека, «осужденного всего того, что принимает и разрушает в нем подлинно человеческие качества, ведет к духовной, нравственной гибели. Высказательный мастер, Гоголь был художником большой гражданской устремленности.

И при жизни писателя, и в последующие времена его нередко, и притом сурово, упрекали в пристрастии к изображению неприглядных сторон действительности, к обрисовке отрицательных героев, осуждали за недооценку положительных начал жизни, якобы не получивших достоящего освещения в его произведениях. Такого рода мысли в том или ином виде высказывались и в наши дни.

ности Гоголя, а его великая историческая заслуга. Да и разве чуждался автор «Ревизора» и «Мертвых душ» образного раскрытия положительных начал действительности, высоких стремлений и чувств людей? Вспомним «Вечера на хуторе близ Диканьки», в которых замечательно отражена поэтическая сторона народной жизни, «Тараса Бульбу», эту повесть-эпопею, со страниц которой предстают образы людей сильных и смелых, исполненных самоотверженной любви к родине, преданности народному делу, душевной широты, презрения к своекорыстию и малодушию.

Пылкий интерес Гоголя к положительным явлениям жизни сказался и в общем замысле «Мертвых душ», которые, как известно, должны были включать в себя изображение и душ живых. Мысли писателя о народной мудрости, богатстве потенциальных творческих сил народа ясно выражены в лирических отступлениях первого тома поэмы-романа.

Однако очевидно, что критическое освещение действительности, застой и корности, меркантильности, духовного оскудения человека занимает преимущественное место в произведениях Гоголя. В этом своеобразно проявилась динамическая слияние индивидуальных особенно-

стей таланта великого писателя и глубинных тенденций социального развития эпохи. Гоголь органически ощущал историческую потребность в трезвом анализе повседневной жизни, в том числе ее неприглядных сторон, в смелом развенчании фальшивого и ложного, в правдивом изображении социальных пороков, явлений, которые тормозили поступательное развитие общества.

В одном из вариантов седьмой главы «Мертвых душ» он писал: «А разве мне всегда весело бороться с ничтожным грузом мелких страстей, идти об руку с моими странными героями? О, сколько раз хотел бы я ударить в возвышенные струны, улететь гордо за собою поклонников и с

торжеством приковать их к победной своей колеснице». Однако нравственный, общественный долг побуждал писателя изображать и осмеивать то, чем наполнила «наша презрительная-горько-обжигательная жизнь». «В наружу весь позор еел всю тину ничтожных мелочей! Ими же залплен современный мир наш. Резче и сильнее углубляй резец свой, да ярко предстанет все низкое а очей».

В своих критических устремлениях Гоголь не был одинок. Ярким свидетельством тому служит возникновение целой школы талантливейших его последователей, к числу которых принадлежали Некрасов, Чернышевский, Грингаров, Островский, Салтыков-Щедрин, Гл. Успенский и другие писатели. Творческий опыт Гоголя восприняли и плодотворно развивали в ряде своих произведений Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов. Социальная, духовная потребность в критическом подходе к различным явлениям современной жизни, которую так живо почувствовал Гоголь, не была быстропроходящим явлением, она характеризовала целый исторический период.

Трезвый анализ новых процессов социальной действительности получил широкое развитие в западноевропейской литературе той эпохи. Вспомним творчество Бальзака, Стендаля, Флобера, Морассана, Диккенса, Теккерея. Это было мощное критико-аналитическое литературное движение, специфическими особенностями которого являлось не только осмысление существенных изменений в жизни общества, психологии человека, происходивших под влиянием развития капитализма, но и активное неприятие многих из этих перемен. Несмотря на определенные различия общественных процессов в России и Западной Европе, тесные связи, взаимодействие между русской литературой и литературой ряда западноевропейских стран в это время очевидны.

Критицизм, смех Гоголя включали в себя чувства острой скорби, рожденные картинами духовного угасания, коммента «низкого» человека, его унижения и подвешивания, явлениями социального и духовного застоя. Недаром писатель говорил о том, что ему приходится «озирать» жизнь «сказовым видным миру смех и незримые, невдомомые ему слезы». И вместе с тем гоголевский критицизм был лишен скептического, разведующего духа сомнений. Он не вызывал разочарования в жизни, любви. Напротив, смех Гоголя пробуждал энергию сопротивления и протеста, энергию действия.

История общественной мысли не только России, но и ряда других стран свидетельствует о том, что творчество Гоголя

— вместе с другими прогрессивными явлениями литературы — активно содействовало росту освободительного движения, формированию и укреплению подлинно творческих сил общества. И это тесно связано с тем, что в художественных созданных писателем рельефно выражено его отношение к изображаемым явлениям действительности, его, как мы сказали бы теперь, жизненная позиция.

В борьбе за истину

Глубокое проникновение Гоголя в сущность социальных явлений, внутренний мир человека, высокая художественная убедительность, масштабность его творческих обобщений, проникнутых возмущенным авторским восприятием действительности, расширили рамки повествования, открыли духовную и социальную перспективу, перспективу полнокровного развития жизни, внутренних возможностей человека. И вместе с тем это не уменьшало силу критики художественных шедевров писателя.

Известно немало попыток «прокорректировать» Гоголя с «опозитивных» позиций. Они предпринимались еще при жизни Гоголя, находясь в соседстве с резко отрицательной оценкой его произведений многими критиками того времени. В статье о «Мертвых душах» С. Шевырев писал о гоголевских поэмах: «Мы догадываемся, что герои поэмы, а в них теперь видимых, должны быть еще другие добрые черты, которые раскрылись бы при иных обстоятельствах; как, например, Манилов, при всей своей пустой мечтательности, должен быть весьма добрым человеком, милостивым и кротким господином с своими людьми и честным в житейском отношении; Коробочка с виду только крохотка и погрязнута в одни материальные интересы своего хозяйства, но она непременно будет набожна и милостива к нищим».

Характерно, что и в наше время некоторые исследователи, видимо, считающие чрезмерным критицизм Гоголя, проявляют склонность «смягчить» его, стремятся облагородить тех же героев «Мертвых душ», отыскать в них различные добродетели. Так, один из критиков совершенно всерьез пишет: «В истоке характера Чичикова лежит добро, но оно должно пройти все круги житейского ада, чтоб вер-

нуть себе свое лицо, лицо ребенка в человеке, лицо «дитяти». И если уж Чичиков, по мнению критика, — воплощение добра, испытывавшего все превратности судьбы, то что можно сказать о других героях Гоголя; они, вероятно, уже должны предстать перед нами, как самые светлые, истинно благородные образцы человеческого поведения».

Привлекает к себе внимание и «новый» взгляд на «Выбранные места из переписки с друзьями» как крупное и положительное явление общественной мысли. По своему значению книга эта иногда даже ставится рядом с лучшими художественными произведениями писателя. При этом оспаривается оценка, данная «Выбранным местам» видными деятелями русской культуры, и прежде всего Белинским, справедливо выдвигая в них отход Гоголя от основных идей и принципов его творческой деятельности. Предлагают забвению и суждения самого писателя о «Выбранных местах», суждения, высказанные в последнем письме к нему Белинского. У Гоголя возникли серьезные сомнения в том, нужно ли было публиковать эту книгу, которая породила столько недоумений и резких возражений. Стремление придать «Выбранным местам» иной смысл и характер, чем они имели в действительности, помимо всего иного, означает принижение художественного наследия писателя. Все это составляет существенное звено в том «прочтении» произведений Гоголя, которое временами превращается в откровенное искажение самой природы его творчества.

Исторический опыт, жизнь учат нас тому, что неопозитивно было равнодушным к социальному злу, где бы оно ни проявлялось, в каких бы формах оно себя ни выражало, так же как неопозитивно добро объявлять злом, а реакцию, зло ублажать всечасными добродетелями. В этом социально-историческом контексте реально выявляется живая действительность литературного наследия Гоголя.

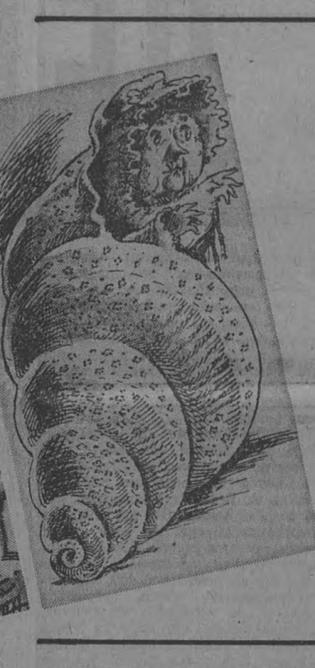
Истинная художественная обобщенность «Мертвых душ» и «Тараса Бульбы» многогранна. У нее есть горячие поклонники и свои неистовые противники. В книгах и статьях о творчестве Гоголя, вышедших в последние десятилетия на Западе, широкое распространение получило отрицание реалистического характера его художественных шедевров.

Здесь наблюдается несколько тенденций их истолкования. Первая: произведения Гоголя — плод свободной творческой фантазии, и именно в этом своем качестве они привлекают к себе внимание читателей. Вторая: образы, созданные Гоголем, представляют собой неподвижные, застывшие маски, которые не могут характеризовать подлинный облик людей. И, наконец, третья состоит в попытке важнейшие черты произведений писателя объяснить особенностями его душевного склада, свойствами героев приписать им творцу.

Убедительным ответом тем, кто отрицает тесные связи произведений Гоголя с жизнью, служат неоднократные высказывания самого писателя. «У меня только то и выходило хорошо, — заявлял он в «Авторской исповеди», — что взято было из действительности, из данных, мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие воображения, а не воображения. Чем более вещей принимал я в соображение, тем у меня верней выходило создание».

Суждения о художественных образах Гоголя как застывших масках также лишены сколько-нибудь серьезных оснований. Напротив, — и это становится ясным при рассмотрении произведений писателя в их социально-исторической функции — гоголевские образы обладают замечательной художественной динамичностью. Будучи творческими обобщениями большого масштаба, они вбирают в себя все новое и новые явления жизни, в известной мере сходные с теми, которые послужили источником их создания, и в то же время существенно отличающиеся от них. Почти каждая эпоха порождает своих хлестаковых, ноздревых, маниловых, плушкиных. Наше время не составляет здесь исключения. В ином обличье, в иных одеяниях герои Гоголя — люди, похожие на них, родственные им, — существуют, действуют и в наши дни. С этой точки зрения вполне правомочно говорить о жизни произведений писателя, жизни его героев, которая в различные исторические периоды наполняется неоднородным содержанием.

Противники художественного реализма вообще, отрицатели гоголевского реализма обычно представляют себе реалистическое творчество как копирование явлений действительности. Это очевидно и нередко предвзятое заблуждение. Реализм автора «Ревизора» и «Мертвых душ» — это прежде всего искусство укрупненного изображения мелочного, ничтожного человеческого бытия, эгоистических чувств и побуждений, пошлости пошлого человека. Произведения Гоголя — это своего рода

увеличительное стекло, которое позволило ему выставить «выпукло и ярко на всенародные очи» холодные, раздробленные характеры, человеческие пороки, социальные зло.

Нередко Гоголю приписывают взгляд на жизнь как на своего рода фантазмагорию, взгляд, согласно которому мир наполнен всякого рода нелепостями, несообразностями и в своей сущности является алогичным. Да, Гоголь нередко изображал такие явления жизни, таких героев, которых с позиций разума, исторической истины с полным основанием можно назвать нелепыми, алогичными. Вспомним хотя бы историю взаимоотношений Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, несообразность размахистой активности Ноздрева, накопительство Плюшкина и т. д. В произведениях писателя выступает «несообразность» и более широкого плана — историческая несообразность того порядка вещей, человеческих отношений, современником, заинтересованным наблюдателем которых был Гоголь.

Однако одно дело — воспринимать весь мир как фантазмагорию и совсем иное — изображать социальный алогизм определенных явлений действительности. Не забудем, что описание нелепостей жизни, поведения людей у Гоголя пронизано юмором, они предстают в комическом освещении. Эта важнейшая особенность произведений писателя как раз и характеризует, притом очень ясно, черты его трезвого, реалистического подхода к действительности. Развенчивая ложное, «презренное», смех Гоголя открывал истину, подлинную правду.

Как уже сказано, до сих пор дуют о себе злые и попытки объяснить творчество писателя исключительно или преимущественно его личными склонностями, особенностями его психологии. Однако успешными такие попытки никогда не были, они неправомочны, несостоятельны по своему своему существу. В беседе с Экерманом Гёте говорил: «Даже величайший гений недалеко бы ушел, если бы он захотел производить все из самого себя... Если есть в нас что-нибудь хорошее, так это сила и способность использовать средства внешнего мира и заставлять их служить нашим высшим целям». (Перевод Е. Рудневой).

Но вот в одной современной книге мы читаем следующие высказывания о личности Гоголя: «Две природы — хлестаковская и соборазившая — как бы соединяются в нем. Один пробит все на фу-фу, пустить пыль в глаза, пройтись гоголем, проскать гоголем, другой не слыша считает денюжку и медленно ворочает мозгами, обходя в размышлении предмет». Не цитируя дальше, и приведенного достаточно, чтобы видеть характер рассуждений автора книги, рассуждений не только несправедливых, противоречащих фактам, жизненной правде, но и недостойных по своему тону, уничижительному отношению к великому писателю.

Гоголь предвещал такого рода «ситуации». В седьмой главе «Мертвых душ», размышляя о том, как могут отнестись к писателю, дерзнувшему вызвать наружу

все, что не зрят равнодушные очи, Гоголь с горечью отметил: лицемерно-бесчувственный суд «называет ничтожными и низкими им лелеяемые создания», приклад писателю «качества им же изображенных героев, отнимет от него и сердце, и душу...»

Живое наследие

Творчество Гоголя близко соприкасается с духовной жизнью, нравственными проблемами современности. Одна из существенных особенностей произведений писателя — страстный отрицательный костыль, концентризм сознания и образа действия. Костыль, концентризм у героев Гоголя раскрываются по-разному. Это и восприятие жизни как явления неподвижного, застывшего в своих привычных формах, это и страх перед любыми переменами в мире, это и агрессивный консерватизм, стремящийся к реальности, сурово посядая все, что не «согласуется» с установлениями и нормами, которые он признает несомненными. Вспомним в этой связи городничего Сквозник-Дмухановского из «Ревизора», верного исполнителя его «предначертания» Держиморду, «значительное лицо» из «Шинели».

В наши дни в Западной Европе и Америке мы наблюдаем явный всплеск агрессивного, воинствующего консерватизма. Разумеется, в эпоху стремительного развития науки и техники, глубоких социальных изменений весьма существенно трансформировались его идеология и практика, стали иными масштабы активности. Но сохранилось то, о чем напоминают нам произведения великого сатирика — его античеловеческая сущность, стремление сокрушить разумное, развивающееся, оное ради сохранения уродливого, отжившего и отживающего. И еще одно свойство роднит современных воинствующих реакционеров с гоголевскими типами — утрата чувства реальности; ложные, иллюзорные представления о действительности, которая будто бы полностью им подвластна, что, разумеется, совершенно не соответствует истине.

Иллюзорные представления о мире и о себе присущи также гоголевским героям много социально-психологического склада. Писатель остро развенчивал те черты сентиментально-идиллического восприятия жизни, «фукрашительского» подхода к различным ее явлениям, искажения их реальной обличья, черты, которые столь часто — в весьма разнообразных формах — выявляют себя и в наши дни. Следует подчеркнуть, что Гоголь страстно обличал как устойчивые заблуждения — нежелание видеть действительность в ее подлинных очертаниях, так и преднамеренно ложное освещение ее процессов, человеческих отношений, сознательное «творчество» иллюзий и заблуждений.

Произведения Гоголя проливают свет на психологию, образ действий тех, кого писатель называл «героими недостатков». Сочетание реальной мизерности, духовной нищеты с огромными претензиями, стремления видеть в себе «значительную» личность, своеобразно гоголевским героям. Но особенно рельефно и своеобразно выражение, как известно, оно получило в образе Хлестакова — этого пустого, ничемного человека, одержимого неодолимой страстью «порисоваться», представить себя солью земли. Неоспорима живая связь этого и других художественных обобщений Гоголя с явлениями современной действительности, заключаемая прежде всего в психологическом содержании характеров, в движущих стимулах их поведения.

Гоголевские образы позволяют яснее понять и целустремленную активность современных беззащитных дельцов, стяжателей, и внутренний облик людей, которые реальное общественное дело подменяют пустым прожектерством, тех, кто бадди личного «благоустройства» предает забвению высокий гражданский долг, и тех, кто с «вдохновением» и в то же время апустую расстрачивает энергию свою и многих других людей на малополезные и просто бесполезные занятия.

Современная публицистика и критика довольно часто осуждают явления бездуховности, с которыми мы встречаемся в некоторых сферах нашей жизни, и которые весьма широко распространены в странах капитализма, находя себе питательную почву в самом укладе буржуазного общества. Представляется очевидным то, что бездуховность соседствует с утратой нравственных критериев человеческого бытия.

Социальные бедствия, которые носят название бездуховности, неизбежно выразительно отражены во многих произведениях Гоголя, с большой художественной силой обобщающих ничтожность жизни, лишавшей высокие стремления, чувства, жизни эгоистической, внутренне замкнутой в себе, равнодушной ко всему, что несправедливо не ее затрагивает. Но бездуховность — постоянный спутник не только бытия, обособленного от «всего мира», но и повседневной жизни разного рода приобретателей, лихачиков, накопителей, тех, кто поглощен погоней за чинами, стремясь достигнуть своих целей любыми средствами. Именно здесь нравственные критерии жизни особенно не в почете. Утрата нравственных критериев характеризует и ту изображенную Гоголем самодовольную обидчивость, самовлюбленную пошлость, которая превращается в иронически относился к глубоким духовным интересам, к «высоким материям». Все это, несомненно, существенно для понимания некоторых сторон современной социальной действительности.

В произведениях Гоголя накопительство (вспомним Плюшкина) зачастую приобретает облик того явления, которое в наши дни получило название «вещизма». Современные «вещицы», разумеется, не собирают никому ненужный хлам, а приобретают дорогие и, как правило, ценные вещи. В отличие от Плюшкина, они не допускают гибели своих богатств, ведают их по-настоящему «хужожены». Однако суть одна: так же как герой «Мертвых душ», они оказываются под неусыпной, неземлемой властью вещей, собранных ими с великим старанием и, можно сказать, самоотвержением. Не вещи служат их алладжером, а человек становится их слугой, предавая забвению многое из того, чем отмечена подлинная человеческая жизнь.

Связи творчества Гоголя с современностью широки и многообразны. Само осознание этих связей, как и восприятие творчества других выдающихся писателей прошлого, не является чем-то застывшим, это процесс, обогащающий наши представления о завоеваниях человеческой культуры. Время открывает нам ту могучую творческую энергию произведений Гоголя, которая не ослабевает с годами, а становится все сильнее, оказывая глубокое благотворное воздействие на миллионы новых читателей.